

Г.Ф. Матвеев, Е.Ю. Матвеева*

**ЛОКАРНСКИЙ ПОВОРОТ 1925 г.
ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТНЫХ
КОММЕНТАТОРОВ И ПОЛИТИКОВ**

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

**1925 LOCARNO TURN THROUGH THE EYES OF SOVIET
NEWSPAPER COMMENTATORS AND POLITICIANS**

Аннотация. Одной из важных международных тем, обсуждавшихся в 1925 г. на страницах советских официозов — газет «Правда» и «Известия» — был проект Рейнского гарантийного пакта и возможные последствия его реализации для СССР. Во вступлении Германии в Лигу наций Москва видела угрозу для своих достаточно доверительных отношений с Берлином, сложившихся после заключения Рапалльского договора в 1922 г., опасность усиления международной изоляции и укрепления лагеря враждебных СССР держав во главе с Великобританией. Германия оставалась в центре внимания советских комментаторов локарнского процесса вплоть до октября 1925 г. В это же время велись советско-германские переговоры о заключении торгового договора, облегчавшие контакты на официальном уровне. Но печать позволяла влиять на германское общественное мнение, к которому власти Веймарской республики не могли не прислушиваться. Кроме того, в газетах озвучивались возможные варианты советской политики в случае, если державы Антанты не дадут согласия не привлекать Германию к участию в активной или пассивной форме в возможной агрессии против третьей стороны (читай СССР), как это было предусмотрено Статутом Лиги наций. Один из таких вариантов — сближение СССР с Польшей и предоставление гарантий нерушимости всех ее границ, в том числе с Германией, — неоднократно был предметом изучения историков,

* *Матвеев Геннадий Филиппович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matveev Gennady Filippovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of the History of the Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7 (495) 939-76-50; gformatveev@yandex.ru

Матвеева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором научно-библиографической информации по общественным наукам ИНИОН РАН

Matveeva Elena Yurievna, PhD Candidate in History, Leading Research Fellow, Head, Sector for Scientific and Bibliographic Information on Social Sciences, INION RAS

len.mat2009@yandex.ru

прежде всего советских и польских. В настоящее время их мнение достаточно единодушно: СССР не собирался гарантировать польские границы, а Польша не думала так далеко заходить в сближении с ним. Но в «Известиях» был озвучен и другой вариант, реализованный уже в 1930-е гг.: сближение с Францией на антианглийской (а тем самым и антигерманской) основе. Сопоставление газетных комментариев с выступлениями официальных лиц (в частности Г.В. Чичерина и И.В. Сталина) показывает, что по основным моментам восприятия локарнского процесса расхождений между ними не было. Советские официозы за 1925 г. можно считать хорошо информированными и точно излагавшими взгляды руководства СССР на поворот в международных отношениях, происходивший в Европе.

Ключевые слова: советская пресса, Рейнский гарантийный пакт, Лига наций, Рапальский договор 1922 г., Антанта, Веймарская республика, Г.В. Чичерин.

Abstract. One of the important international topics discussed in 1925 on the pages of the Soviet establishment newspapers, the Pravda and the Izvestia, was the draft of the Rhineland Pact and the possible consequences of its implementation for the USSR. From the Soviet perspective the Germany's entry into the League of Nations posed a threat to the USSR's rather trusting relationship with Berlin, which had developed after the conclusion of the Rapallo Treaty in 1922, and Moscow saw the danger of increasing international isolation and the strengthening of the camp of the powers hostile to the USSR, led by Great Britain. Germany remained the focus of Soviet commentators on the Locarno trial until October 1925. At the same time, Soviet-German negotiations to conclude a trade agreement were under way, facilitating contacts at official level. However, the press made it possible to influence German public opinion, which the authorities of the Weimar Republic could not but listen to. In addition, the newspapers named possible options for Soviet policy if the Entente powers disagreed not to involve Germany in an active or passive participation in a possible aggression against a third party (viz. the USSR), as provided for by the Statute of the League of Nations. One of these options – the rapprochement of the USSR and Poland, and the provision of guarantees of the inviolability of all Polish frontiers, including with Germany, – has repeatedly been a research topic for historians, primarily Soviet and Polish ones. At present, their opinion is quite unanimous: the USSR was not going to guarantee the Polish borders, and Poland did not intend to go so far in rapprochement with the USSR. However, the Izvestia voiced another option, which was realized already in the 1930s: rapprochement with France on an anti-British (and thus anti-German) basis. Comparison of newspaper comments with the speeches of officials (in particular, G.V. Chicherin and I.V. Stalin) shows that there were no differences between them on the main points of perception of the Locarno process. The Soviet establishment newspapers in 1925 can be considered well-informed and accurately expounding the views of the USSR leadership on the turn in the international relations which was taking place in Europe.

Keywords: Soviet press, Rhineland Pact, League of Nations, Rapallo Treaty of 1922, Entente, Weimar Republic, G.V. Chicherin.

Соглашения вчерашних победителей — держав Антанты с поверженной Германией в Локарно в октябре 1925 г. оказали существенное влияние на развитие международных отношений в Европе в ближайшее десятилетие, вплоть до отказа от них Гитлера в 1936 г. То, что продолжать дальше политику Версаля в отношении Германии в том виде, как она была сформулирована в 1919 г., невозможно, стало очевидным после фактического провала франко-бельгийской попытки заставить Германию платить репарации путем оккупации Рурского региона (1923). Последовавшие за этим шаги — план Дауэса («план банкиров») и согласие Парижа и Брюсселя вывести свои войска из Рура взамен за гарантии их границ с Германией — создали условия для расширения участия Веймарской республики в европейской политической жизни. Такой поворот не мог быть незамеченным в СССР, для которого Германия после Рапалло была единственным, не считая Литвы, политическим партнером в Европе.

Реакция СССР на поворот Европы к Локарно как самостоятельная тема в современной российской историографии специально не рассматривалась, хотя ее неизбежно касаются авторы работ об отношениях Советского Союза с Францией, Англией, Германией и Польшей в 1925 г.¹ На сегодняшний день в научный оборот введен большой массив документов из фондов центральных государственных архивов РФ о действиях советского руководства в 1925 г., особенно на германском направлении.

Нам показалось интересным взглянуть на проблему на основании источника, который по своей природе имеет публичный характер, но при этом выполняет и свойственные дипломатии неявные функции. В XX в. дипломатия помимо традиционных инструментов (посольства, эмиссары, закрытая переписка) широко использовала средства массовой информации (СМИ). В 1925 г. это была главным

¹ См., например: *Артиюков О.В.* Советско-германские отношения в 1925–1933 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг. Незвестные документы. М., 1992; *Кантор Ю.З.* Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921–1939 гг.: Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2006; *Макаренко П.В.* Московский торговый договор 1925 г. и германская политика лавирования между Востоком и Западом // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. Воронеж, 2012. № 13 (132). Вып. 23; *Мезга Н.Н.* В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель, 2010; *Он же.* Польско-советские отношения 1921–1926 годов. Новый этап противостояния. Гомель, 2019; *Морозов С.В.* К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412; *Офицеров Д.В.* Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. 2003. История. Вып. 4, и др.

образом периодическая печать. Внешнеполитические ведомства видели в прессе и средство информирования зарубежных партнеров, и инструмент формирования в нужном направлении как собственного, так и мирового общественного мнения. За рубежом СССР в то время мог задействовать также коммунистические партии с их собственной прессой и парламентскими фракциями, занимавшиеся распространением «правды о Стране Советов».

Не был исключением в понимании роли прессы и Народный комиссариат по иностранным делам СССР (НКВД). Подтверждением этого служит свидетельство его многолетнего руководителя Г.В. Чичерина. В служебной записке на имя В.В. Куйбышева, которого нарком видел своим приемником в НКВД, он писал: «До 1928 года всё, что в “Известиях” и “Правде” имело какое-либо отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось мне по телефону, я выбрасывал или изменял»².

Учитывая это признание Чичерина, интересно посмотреть, как комментаторы советских официозов «Известия» (орган ВЦИК СССР) и «Правда» (орган ЦК РКП(б)), а также публиковавшиеся в этих газетах политики комментировали процесс разработки гарантийного договора и его ожидаемые последствия. Нас интересовали редакционные статьи, как их называли в СССР, «передовицы», авторские аналитические материалы, а также выступления советских партийных и государственных руководителей на различных форумах. Передовицы всегда помещались на первой странице, слева, аналитические материалы чаще всего занимали подвал второй страницы, но в «Правде» иногда их помещали на первой странице.

В начале 1925 г. «Известия» и «Правда» привычно разоблачали английские планы создания единого антисоветского фронта в Европе, не вдаваясь при этом в углубленный анализ проблемы, а просто излагая содержание иностранной прессы и высказывания различных зарубежных политиков. Второй сквозной темой был Женевский протокол 1924 г., который для вступления в силу нуждался в ратификации Англией. В потоке более или менее полных пересказов выступлений зарубежных политиков (например, французского премьера Э. Эррио и германского канцлера Г. Лютера) и газетных статей по этой проблеме, было напечатано и несколько аналитических материалов, подготовленных признанным в СССР экспертом-международником Карлом Радеком (Каролом Собельсоном). Не останавливаясь на представлении этого хорошо известного деятеля, напомним, что в конце 1925 г. он из-за своей близости с Львом Троцким подвергся опале и был освобожден со всех занимаемых до этого постов.

² «Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. Документы русской истории. 1995. № 6. С. 106.

В «Известиях» К. Радеку была предоставлена возможность вести воскресную рубрику «Международное обозрение». Первый материал в таком формате, напечатанный 8 февраля, примерно наполовину был посвящен судьбе Женевского протокола. Разбирая выступление Э. Эррио во французском Национальном собрании 29 января 1925 г., Радек назвал сенсационной ту его часть, которая касалась Германии: будучи внешне направленной против Германии, речь Эррио «на деле заострена в сторону Англии», так как Лондон не хочет ратифицировать Женевский протокол и брать на себя обязательство оказывать Франции военную помощь в случае ее конфликта с Германией. Причинами Радек считал нежелание британских доминионов «спасать Англию на континенте Европы в то время, когда все силы могут понадобиться на Дальнем Востоке против Японии», а также требование Парижем английских гарантий не только для восточных границ Франции и Бельгии, но и для Польши. Поскольку Польша имеет границы и на западе, и на востоке, ни одно правительство Англии не может сейчас взять на себя обязательства и над Рейном, и над Одером, и над Березиной, заключать военный союз и против Германии, и против СССР: «Это означало бы завязнуть в европейских делах, а Англия, в первую очередь, держава азиатская. Это г. Эррио великолепно понимает, и поэтому смысл его речи таков: если вы, господа, не дадите мне этих гарантий, то я принужден взять Германию за горло на Рейне»³, — заключил свои рассуждения Радек.

Убеждение в том, что Англия не ратифицирует Женевский протокол, Радек развил и углубил в «Известиях» от 24 февраля. Подробно разобрав статьи во влиятельной британской прессе консервативного и либерального направлений, он констатировал, что «непринятие никаких обязательств имеет для Англии то преимущество, что она может решать вопрос независимо от конкретного характера международного положения... Английская империя будет пытаться принимать обязательства в европейских делах в минимальных размерах. Это факт, с которым придется считаться в Восточной Европе всем тем, кто рассчитывал на безусловную английскую поддержку»⁴.

3 марта Г.В. Чичерин в докладе о внешней политике на III сессии ВЦИК СССР в Тбилиси подробно охарактеризовал отношения с важными для СССР странами и регионами мира. Англию он назвал ведущей мировой державой, но слабеющей, о чем свидетельствует изменение ее отношений как метрополии с доминионами: «В настоящее время эти доминионы не терпят, чтобы политика делалась без них... и вот они мешают втягивать Британскую империю в те вопросы,

³ Радек К. Международный обзор // Известия. № 32. 08.02.1925.

⁴ Радек К. Международный обзор // Известия. № 45. 24.02.1925.

которые их не интересуют». Общность подходов Радека и Чичерина к оценке причин ослабления Англии как метрополии очевидна.

Характеризуя Францию, Чичерин отметил ее сильную финансовую зависимость от Англии, ангажированность в версальскую систему и непоследовательность, из-за чего в ее политике заметны зигзаги и колебания. Фактически, Чичерин считал Францию ограниченно самостоятельной во внешней политике, и эту свою позицию он не изменит до конца 1925 г.

Говоря о Германии, нарком отметил ее старания занять равноправное положение с державами Антанты. Но он не видел в этом опасности для СССР, поскольку «каковы бы ни были отношения Германии с западными державами, в конечном счете, германские политические деятели всегда будут считать необходимым обеспечить свой тыл с Востока. Можно быть уверенным, что какие бы колебания ни переживала германская политика..., в конечном счете Германия все-таки не порвет с нами, не ликвидирует ту политику дружественных отношений, которая установилась между нею и нами в течение нескольких последних лет». Свою уверенность он объяснял, в частности, близорукостью Антанты, особенно Франции, даже в ущерб собственным интересам не желающей пересмотреть Версальский договор и признать равноправие Германии⁵.

Доклад Г. Чичерина четко ранжировал Англию, Францию и Германию как главных адресатов советской внешней политики: Англия как держава по интересам более азиатская, чем европейская — главный противник, Франция — несамостоятельна и прямой угрозы не представляет, Германия — хотя и своеобразный, но союзник. О проекте гарантийного пакта в докладе нет даже намека.

Нет о нем упоминания и в обстоятельной статье К. Радека в «Правде» от 7 марта. Разобрав более подробно, чем в «Известиях», причины провала Женевского протокола, Радек весьма пессимистически оценил перспективы какого-то договорного обеспечения условий для мира в Европе, поскольку «все договоры имеют значение "rebus sic stantibus"... Вся заковыка состоит в том, что международные отношения находятся еще в состоянии настолько текучем, что не поддаются еще кристаллизации в систему всеобъемлющих договоров»⁶.

И подтверждение этой «текучести» международных отношений, пока еще в виде информации самого общего характера, находилось в том же номере «Правды». Это был пересказ сообщений западных газет о том, что Г. Штресман предложил Франции заключить гарантийный договор, но проект не совсем устраивает Францию из-

⁵ III сессия ВЦИК в Тифлисе. Международное положение СССР // Известия. № 54. 06.03.1925.

⁶ Радек К. Пиллули от землетрясения // Правда. № 55. 07.03.1925.

за границ Польши, которым Германия не хотела бы обеспечивать гарантии, аналогичные своим западным границам⁷.

На следующий день информации стало больше, появилась тема парижских переговоров О. Чемберлена. Поскольку официально об их содержании не сообщалось, информацию черпали из анонимных источников. Тем не менее, круг спорных проблем был очерчен достаточно точно: необходимость введения военных статей, распространение гарантий на все границы Германии и ее безоговорочное вступление в Лигу наций⁸. Тут же сообщалось об обеспокоенности в Польше, вызванной германским проектом⁹.

Польской теме в тот же день была посвящена специальная статья К. Радека в «Правде». В ответ на некие сигналы о готовности польской стороны улучшить свои отношения с СССР, Радек предлагал не торопиться со встречными шагами, пока Польша, которая «обременена военным союзом с Румынией, обременена попытками создания военного союза с балтийскими государствами», не «передумает, что есть нежизненного в ее отношениях с СССР, что требует изменения»¹⁰.

Не обошли вниманием польскую проблематику и «Известия», напечатавшие 11 марта достаточно язвительную редакционную статью в связи с критическими высказываниями польского министра иностранных дел А. Скшиньского по поводу английской позиции по гарантийному пакту¹¹.

Середину марта 1925 г. можно считать поворотным моментом в становлении позиции официозов по гарантийному пакту. До этого никто из них не пытался, во-первых, серьезно анализировать хитросплетения интересов и противоречий европейских держав, актуализировавших проблему европейской безопасности, во-вторых, оценить, как проблема гарантийного пакта затрагивает СССР.

Восполнить этот пробел 15 марта попытался К. Радек в «Известиях». Исходным пунктом своего анализа он избрал фактический провал Женевского протокола по вине Великобритании, не желающей брать на себя всю полноту ответственности за поддержание мира на континенте. Вместо этого, по неявной инициативе Лондона, Берлин предложил свой план гарантийного договора, который должен не допустить заключения францужско-английского военного договора.

Англия поддерживает этот план, потому что положение ее дел ухудшается, она должна центр своих стремлений перенести за пре-

⁷ Планы империалистов о «равновесии» // Правда. № 55. 07.03.1925.

⁸ Переговоры о гарантийном договоре // Известия. № 56. 08.03.1925.

⁹ Тревога в Польше // Там же.

¹⁰ Радек К. О границах Польши // Правда. № 56. 08.03.1925.

¹¹ Слово за г. Чемберленом // Известия. № 58. 11. 03.1925.

дела Европы. Поскольку Франция не имеет никаких гарантий своих границ, она боится восстановления Германии и мешает этому восстановлению разного рода авантюрами. Гарантийный пакт успокоил бы Францию и одновременно дал Германии передышку, позволил бы ей укрепиться. Тогда Англия имела бы в Европе государство, на которое могла бы опереться. Она теперь сознательно идет на притупление отношений с Францией в Европе, дабы связать Францию и освободить свои силы для Востока.

Германию этот план делает равноправным участником соглашения о гарантиях границы Франции. «Выдвигая Германию с этим проектом, Англия облегчает себе, во-первых, переговоры с Францией. На вопрос Франции, “как же мы можем покинуть Польшу?”, она может ответить: “вы не оставляете Польшу совсем, Германия обещает на нее не нападать”. А что Германия при этом сохраняет право путем арбитража добиваться изменения ее границ, это есть законное право Берлина. Ведь Версальский договор и так разрешает всякому своему члену добиваться при своем посредстве изменения международных договоров. Это есть совершенно невинная немецкая резервация прав. Внушая Германии эту инициативу, Англия выступает перед ней в качестве ее благодетеля. “Во-первых, — говорит Англия Германии, — мы, англичане, помогли вам, немцам, перейти из состояния объекта политики в состояние субъекта. Не против вас гарантируются границы Франции, а вы сами их гарантируете. Во-вторых, мы помогли вам публично заявить, что границы на Востоке должны подлежать в будущем пересмотру; вы получаете важную точку опоры против Польши, самой постановкой вопроса о польской границе вы уже выигрываете».

Что касается Польши, то у нее, полагал Радек, несмотря на активность А. Скшиньского, нет шансов торпедировать план Германии, но совершенно очевидно, что до того момента, когда Германия всерьез займется ревизией своей границы с Польшей, может пройти немало времени.

Радек предостерегал, что развитие вопроса о гарантиях границ европейских держав имеет серьезное значение и для СССР. «Всякое окаймление европейских границ, как бы преходяще оно ни было, может затронуть и СССР. Политика СССР не развивается в пустом пространстве... Все возможности, вытекающие из этого, требуют внимательного отношения к себе. Они еще окончательно не созрели, ибо нет еще определенных или определившихся отношений. СССР может эти вопросы продумать с большим спокойствием, чем какая-то любая другая держава. Мы имеем обеспеченный тыл по части сочувствующих нам. Вся наша восточная граница является границей или дружественных нам народов, или народов, не могущих в ближайший

период истории с нами воевать. Все попытки создания нам врага на юге обанкротились и, надеемся, обанкротятся»¹².

Логика рассуждений Радека была следующей: в Европе идет радикальная перемена в расстановке сил, которая пока что прямо не затрагивает Советский Союз, а посему не требует от него никаких поспешных действий. СССР имеет время для спокойного приспособления к этим новым условиям. Характерно, что в статье уже не звучала та твердая уверенность в надежности Германии как партнера Советского Союза, которая прозвучала из уст Чичерина в начале месяца.

Вполне ожидаемым можно считать обращение К. Радека в следующем «Международном обозрении» к анализу внешней политики Германии, главное содержание которой он несколько коряво определил как «новые поиски за новой ориентацией». По его мнению, зависимость от англо-американского капитала толкает Германию на сближение с Англией и США, поставившими задачу умиротворения Европы как условия восстановления капитализма. Из этой идеи родилось предложение Штресемана о договоре пяти держав, гарантирующем восточную границу Франции.

Но попытка Германии обойти молчанием вопрос о границах Польши не удалась. Из-за решительного сопротивления Польши Франция вряд ли согласится на германское предложение. Невелики шансы и того, что путем вхождения в Лигу наций и с помощью гарантийного пакта Германии удастся досрочно освободить рейнские области.

Вместе с тем, полагал Радек, проект договора показал, что националистические элементы в правительстве Германии не только не думают о сопротивлении державам-победительницам, но стремятся включиться во фронт этих держав для того чтобы совместно с ними открыть путем решительного нажима защищаемый государственной монополией на внешнюю торговлю советский рынок, без которого Германия не может встать на ноги. Таким образом, сдвиг на Запад имеет следствием по существу обернуться своим острием против Востока.

Поэтому СССР, «не меняя своей дружбы с германским народом, стремясь к усилению экономических отношений с ним, не беря на себя ответственности, которая не является абсолютной необходимостью, должен учитывать внутренний смысл теперешних происшествий в германской внешней политике и быть подготовленным на всякий случай... наша политика должна найти гарантии мира на наших границах и обеспечить себя на случай переходной стабилизации в Центральной Европе, которая может направиться против СССР... Внешняя политика каждого государства зависит не только от его внутренней классовой структуры, но и от направления политики других держав. Быть может, этот последний фактор, что касается

¹² Радек К. Международное обозрение // Известия. № 61. 15.03.1925.

Германии, приведет к международным последствиям, которые требуют с нашей стороны учета без всяких сантиментов»¹³.

После мартовского всплеска внимания советских официозов к гарантийному пакту наступил двухмесячный перерыв, когда о нем вспоминали редко и лишь в связи с московскими переговорами о советско-германском торговом договоре. Так, Г.В. Чичерин, выступая 13 мая с докладом на III Всесоюзном съезде Советов, посетовал на «текучесть и неясность» отношений с Францией и особенно с Германией, правительство которой «чрезвычайно ясно обнаруживает свое нежелание прекратить те дружественные отношения с нами, которые создались и развились за последние годы. Но с другой стороны, если будет проведена в жизнь та политика гарантийного договора с западными державами, которую, по инициативе Англии, предложило германское правительство, если произойдет вступление в Лигу наций, то, вопреки желанию германского правительства, силою вещей оно окажется в таком положении, которое вряд ли сделает возможным продолжение, по крайней мере в той же степени, как раньше, создавшихся между нами отношений»¹⁴. Фактически, Чичерин, хотя и в более мягкой форме, поскольку он был официальным лицом, повторил жесткое предостережение Германии, сделанное Радеком в конце марта.

Позиция СССР не осталась без ответа германской стороны. Г. Штреземан, выступая в рейхстаге, счел необходимым объяснить со своим восточным партнером. Об отношениях с СССР он сказал: «Вследствие центрального положения, занимаемого Германией в Европе, положение дел на Востоке непосредственно более затрагивает ее, чем англо-саксонские и романские страны. Как раньше, так и сейчас стратегический центр тяжести лежит безусловно в России, которая в германских отношениях с Востоком всегда должны играть роль решающего фактора... Я не сомневаюсь, что советское правительство уяснит себе необходимость нынешнего положения вещей, вытекающих из тех крупно-политических вопросов, которые Германии надлежит урегулировать с другими державами. При разрешении всех этих вопросов постоянной задачей германской политики будет стремление уравновесить свои интересы на Востоке и на Западе, причем это "уравновешение" интересов не требует и никогда не примет такой формы, которая могла бы сделать невозможным или хотя бы неблагоприятно отразиться на плодотворном развитии русско-германских отношений». Штреземан также заверил, что скоро будет подписан германо-советский торговый договор¹⁵.

¹³ Радек К. Международное обозрение // Известия. № 66. 22. 03.1925.

¹⁴ III Всесоюзный Съезд Советов. Речь наркома по иностранным делам. тов. Г.В. Чичерина // Известия. № 110. 16.05.1925.

¹⁵ Центр тяжести — в России. Штреземан об отношениях с СССР // Правда. № 113. 20.05.1925.

Выдержанная в дружественных тонах речь Штреземана не успокоила, однако, советскую сторону. Публичным ответом на нее стало «Международное обозрение» К. Радека, выдержанное, как и предыдущее, в жестких тонах. Радек начал с предостережения Германии, что хотя «доклад экспертов (так он предпочитал называть план Дауэса) в известном смысле улучшил положение Германии, вырывая репарационный вопрос из рук Франции и интернационализируя германский репарационный долг... Но английские и американские банки не ставили своей подписи на документах, касающихся... безопасности Франции. Поэтому американские банки представляют плохую защиту для Германии, если Франции захочется по этим вопросам дать бой Германии», и Германия не вправе себя чувствовать полностью защищенной от новых выпадов Франции.

Германии обязательно нужно сохранить хорошие отношения с Советским Союзом, о чем ее предупредил Г.В. Чичерин на Съезде Советов СССР. Беспочвенны ее надежды на то, что, подписав гарантийный договор и вступив в Лигу наций, она сможет сохранить прежний характер отношений с СССР, и даже сможет, как пишут некоторые немецкие газеты, в этом случае оказывать ему «приятельские услуги». Радек не сомневался, что немецкая дипломатия, вошедшая в Лигу наций, «была бы предметом нажима, а не нажимала бы сама на Антанту». Вошедшая в Лигу наций Германия чувствовала бы необходимость доказать, как она хороша и «цивилизована».

В подтверждение своих слов Радек с известной долей язвительности предлагал присмотреться к роли Германии при переговорах о гарантийном пакте: «Подумайте только! Германия спустя 7 лет после окончания войны предлагает еще раз признать грабительский Версальский мир и границы Франции, т.е. отторжение Эльзаса и Лотарингии... и вместо того, чтобы развернуть на основе этого акта, громкое политическое наступление, германская дипломатия ожидает, когда г. Бриан соизволит дать ей ответ. Кто после этого поверит в германскую волю к политическому нажиму на Антанту...? В вопросе о гарантийном договоре она оказалась игрушкой в руках антантовской дипломатии»¹⁶.

Итак, в течение марта–мая 1925 г. определился главный объект внимания и тревоги советских официозов в связи с проектом гарантийного пакта — Германия. Англия и Франция рассматривались лишь как державы, соперничающие друг с другом за лидерство на континенте. О Бельгии вообще вспоминали крайне редко.

Другим сюжетом, серьезно интересовавшим «Известия» и «Правду», было определение направления сдвигов, происходивших в расстановке сил на европейской внешнеполитической сцене в связи

¹⁶ Радек К. Международное обозрение // Известия № 117. 24. 05.1925.

с идеей гарантийного пакта. Этот сюжет появился уже в марте, когда стало известно о предложенном Штреземаном проекте гарантийного договора.

Вновь к нему вернулись в начале июня, незадолго до появления ответа Франции на германское предложение от 6 февраля. В статье некоего Юрьевского в «Известиях» было отмечено, что на Лондонской конференции 1924 г. удалось найти реальные пути урегулирования финансовых долгов времен войны. Иная картина — в политической области, где наблюдаются «признаки выравнивания новых фронтов». Такими признаками Юрьевский назвал программы германской и итальянской внешней политики, изложенные Штреземаном и Муссолини. По его мнению, «они показывают, что в Средней Европе за последнее время создались новые руководящие центры международной политики, переставшие ограничиваться лишь одними перепевами мотивов, раздающихся из Лондона и Парижа»¹⁷.

Тема меняющейся расстановки сил в Европе была продолжена «Известиями» спустя неделю. На этот раз в центре внимания были Франция и Англия. Главной мыслью статьи была потеря Францией места лидера на континенте. Лишившись из-за плана Дауэса возможности давления на Германию и упустив возможность взаимодействовать с СССР на Востоке против Англии, Франции осталось только опираться на Англию. Но английский правительство строит свою систему континентальной политики на сближении с Германией. «Этот план вбивается в центр Европы, причем Англия ставит себе целью, с одной стороны, таким путем изолировать СССР, а с другой, — изолировать Францию и порвать связи между нею и ее военными союзниками на Востоке Европы. Англия становится опять континентальной державой, а могущество Франции сводится на нет».

По утверждению «Известий», британский посол в Берлине лорд Э. д'Обернон внушил Германии идею предложить Франции план гарантийного договора, который резко повышал значение Англии в европейской политике. Политика Англии, заключающаяся в том, чтобы привлечь на свою сторону Германию и оторвать ее от СССР, решительно шла вразрез с прежней французской милитаристической политикой. Соглашение пяти держав при оставлении открытым вопроса о восточных границах Германии фактически уничтожает роль военных конвенций между Францией и ее союзниками на Востоке Европы¹⁸.

Итак, «Известия» четко определили советское видение новой расстановки сил в случае заключения гарантийного договора. Франция уступит свое место европейского лидера Великобритании, а та

¹⁷ Юрьевский. Европейский мир // Известия. № 126. 05.06.1925.

¹⁸ Со ступеньки на ступеньку // Известия. № 130. 11. 06.1925.

после этого будет опираться в своей европейской политике на Германию. Весьма важным в статье было упоминание о возможности советско-французского взаимодействия против Англии на Востоке, чтобы помешать ей достичь двух целей: стать гегемоном в Европе и оторвать Германию от СССР¹⁹.

Новый всплеск интереса к гарантийному договору был связан с французским ответом на февральскую ноту Г. Штреземана. «Известия» констатировали, что расчеты германских сторонников гарантийного договора на то, что взамен за подчинение Берлина «английским политическим видам» Лондон постарается ослабить французское давление на Германию и создать для нее более приемлемое положение в мировом концерте, не оправдались. Выяснилось, что в решительных случаях Англия будет всецело поддерживать Францию против Германии. Германия нужна Англии для балансирования на европейском континенте, а также как плацдарм для грядущих выступлений против Советского Союза.

В статье содержалось достаточно грозное предупреждение, что «ориентируясь на Запад, вступая в Лигу наций, подчиняясь видам британской дипломатии, Германия только рискует испортить свои отношения с Советским Союзом, но выиграть не может ничего. ... Мы неоднократно предупреждали Германию относительно возможных последствий ее вступления в Лигу наций и не скрывали от нее нашего отношения к этому рискованному шагу. Мы и сейчас остаемся на той же позиции. ... Разумеется, германское правительство может поступать так, как оно считает целесообразным. Но оно должно знать, что если оно сделает этот шаг, то Советскому Союзу придется позаботиться о защите своих интересов на ином пути, помимо укрепления и расширения политических и экономических связей с Германией»²⁰.

¹⁹ Эта идея еще не раз прозвучит со страниц «Известий» и «Правды», ею, скорее всего, был продиктован визит Г.В. Чичерина в Варшаву в конце сентября 1925 г., относительно мотивов которого у историков до сих пор нет единого мнения. Мы не согласны с тем, что этим визитом Чичерин якобы хотел напугать Германию угрозой советско-польского сближения. Вот что писали о целях визита «Известия» 1 октября 1925 г.: «... советское правительство ... отвечает на гарантийный договор не угрозами, не бражанием оружием, а усилением политики укрепления связи между СССР и остальными странами, а в первую очередь нашими соседями. Мы надеемся, что этой политикой удастся достигнуть цели не только по отношению к Польше, не только к ближайшим нашим соседям, но и ко всем державам, заинтересованным в том, чтобы зажили раны войны. И это наиболее верный путь к тому, чтобы заставить английский империализм отказаться от игры континентальными народами, направляя их один против другого во имя интереса английской империи. Англия сама не будет воевать в Европе. Если она не найдет послушных исполнителей своей воли, то она вообще не будет воевать». (Варшава и Москва // Известия. № 224. 01.10.1925). Несомненно, что такой державой, заинтересованной в заживлении ран войны и не соседствующей с СССР, была только Франция. Отношения с Италией были давно улажены, с Германией СССР связывал Рапальский договор, других держав из этой категории просто не оставалось.

²⁰ Поучительный урок // Известия. № 131. 12. 06.1925.

В принципе, в этой статье было только одно новшество по сравнению с предшествующими комментариями: Германии грозит превращение в плацдарм для грядущих выступлений против СССР. На это положение отныне и будет делаться один из акцентов при перечислении негативных последствий договора для Германии.

21 июня «Известия» в редакционной статье о разногласиях между союзными державами по поводу гарантийного пакта, задались вопросом: «... вся эта стратегия, все эти маневры и контрманевры, все эти явные и тайные переговоры и переторжки — направлены ли они или к миру или к новой войне? Ставят ли они целью укрепить стабилизацию Европы или, наоборот, готовят только условия новой мировой бойни, более ужасной, чем предыдущая?». И сами же ответили: «война неизбежна»²¹.

Свое понимание сути французского ответа представила и «Правда»: основное содержание англо-французских обменов мнением «заключается в том, что Германия делается вассалом и сателлитом Англии и что Англия при ее помощи припирает Францию к стене и лишает ... ее прежней роли обладателя военной гегемонии на материке... Германия становится опорой Англии для обоснования ее континентального могущества и для обуздания Франции». Следовательно, гарантийный договор является очередным этапом процесса развития антагонизмов капиталистического мира и предвестником будущих столкновений Англии с Францией.

Если «Известия» упирали на опасность отрыва Германии от СССР, то «Правда» представила эту же проблему иначе: «Эта комбинация направлена против СССР, в котором консервативное правительство Англии усматривает своего мирового врага, и против Франции, в которой оно усматривает наиболее близкую и непосредственную опасность». Такую формулировку вполне можно трактовать как приглашение Франции к сотрудничеству с СССР в борьбе с претензиями Англии на гегемонию на континенте²².

На фоне передовиц, писавшихся по горячим следам событий, более аналитичной выглядит серия из четырех статей в «Правде» авторства известного деятеля польского рабочего движения, сотрудника НКВД, публициста Павла Лапинского (Левинсона). По форме публикация вполне могла претендовать на публицистическую фундаментальность, но в содержательном отношении ее выделяли только два момента. Во-первых, открыто выраженное убеждение, что английская политика строится с учетом дальнейшего укрепления хозяйственного и международно-политического положения Германии и на всякий случай стремится направить ее возможную

²¹ К миру или к войне // Известия. № 139. 21.06.1925.

²² Перед новыми бурями // Правда. № 138. 20.06.1925.

экспансию в будущем против Польши и, может быть, против России. Но в ближайшее время Англия не желает войны Германии с Польшей, как и войны с СССР. Во-вторых, указание на то, что Франции в «борьбе с британской гегемонией приходится укреплять и расширять свои точки опоры на Востоке Европы, и, стало быть, в частности стремиться к улучшению польско-советских отношений». В связи с этим Лапинский отметил, что в Польше франкофильские национальные демократы «всё сознательнее отстаивают программу улучшения польско-советских отношений». То есть вновь, как и в предшествующих статьях, Франции намекали, что СССР не прочь с ней сотрудничать в деле противодействия гегемонистским устремлениям Англии²³.

О возможности советско-французского взаимодействия в будущем было прямо сказано в передовице «Правды» от 27 июня: «Английское МИД стремится разделить Германию и СССР, и привязать Германию к себе, в то же время доводя до конца политику ослабления Франции и ставя себе целью обессиление этого возможного в будущем союзника СССР». Это было весьма неожиданное для советского официоза заявление, если учесть, что еще совсем недавно Франция и Польша рассматривались в СССР как главные враги²⁴.

После июньского оживления интереса советских официозов к гарантийному пакту и условиям вступления Германии в Лигу наций наступил длившийся до начала октября период, когда эти темы затрагивались от случая к случаю. Так, в июле таким поводом стал ответ Берлина на гарантийную ноту Парижа. На этот раз советские официозы ограничились или простым изложением содержания ноты Г. Штреземана²⁵, или ее сравнением с позицией Франции без показа содержащихся в ней тайных или явных угроз для СССР²⁶. В этом же духе были выдержаны статьи в газетах и в августе. Разве что К. Радек не преминул попенять Берлину на беспочвенность его надежд на то, что Англия и Франция в случае вступления Германии в Лигу наций позволят ей и дальше «сидеть на двух стульях, сохраняя хорошие отношения с СССР и одновременно улучшая свои отношения с союзниками». В том, что Германия решила вступить в Лигу, советские официозы уже не сомневались²⁷.

В начале сентября в «Известиях» и «Правде» появились признаки смены отношения к Польше. Если в предшествующие месяцы

²³ Лапинский П. Гарантийный договор и международное положение // Правда. № 140. 23.06.1925; № 141. 24.06.1925; № 142. 25.06.1925; № 143. 26.06.1925.

²⁴ Плохо прикрытые щели // Правда. № 144. 27.06.1925.

²⁵ Ответ Германии на гарантийную ноту Франции // Правда. № 166. 23.07.1925.

²⁶ Торг продолжается // Известия. № 166. 23.07.1925.

²⁷ Слово за Германией // Известия. № 183. 13.08.1925; Радек К. Французская ответная нота Германии и англо-французские переговоры о долгах // Правда. № 196. 29.08.1925.

информация о западной соседке СССР сводилась к сообщениям о судебных процессах над коммунистами С. Ланьцуцким, Н. Ботвиным, В. Гибнером, В. Кневским, Г. Рутковским, убийстве А. Вечоркевича и В. Багиньского, экономическом кризисе и т.д., то теперь с удовлетворением было отмечено наметившееся в польском общественном мнении, особенно среди национальных демократов, желание развивать экономическое и даже политическое взаимодействие с СССР. При этом ссылались на статью известного публициста эндееции А. Новачиньского в «Газете Варшавской»²⁸.

Редакционная статья в «Известиях» «На верном пути» была даже не приглашением, а зазыванием Польши к сотрудничеству с СССР. В обоснование приводились географические, исторические и экономические аргументы, а также текущие интересы двух стран: «Сближение диктуется современными событиями. Англия пытается склонить Польшу к присоединению к ее антисоветским планам и не прочь удовлетворить германские территориальные аппетиты за счет Польши. Франция слабеет, она не в состоянии обеспечить прочных гарантий польской безопасности... Вступление Германии в Лигу наций может оставить открытым применение 19 статьи Статута Лиги наций о возможности пересмотра границ, статья 15 оставляет возможность развязывания военных действий в случае неудачи арбитража.

Для укрепления международных позиций Польше необходимо проводить мирную и дружественную политику по отношению к СССР. Тем более что и Франция отказывается от однозначно враждебной политики на советском направлении».

Эта статья еще раз подтверждает уже отмеченное ранее наблюдение, что как только в официозах говорили о возможности сближения СССР с Польшей, то обязательно упоминалась и Франция, а когда говорили о сближении с Францией, то неизменно называлась Польша.

Вряд ли эти дружелюбные апелляции к Польши были каким-то сигналом Германии. Москва имела прямые контакты с Берлином и арсенал весомых аргументов для его убеждения не отдаляться от СССР и поскорее подписать торговый договор. Видимо, советское давление на Берлин с этой целью было так сильно, что не названный по фамилии высокопоставленный немецкий дипломат 19 сентября на брифинге в МИД Германии заявил, что линии Рапалло ничего не грозит, и даже упрекнул СССР, что «он страдает манией преследования» по отношению к Лиге наций²⁹. Это дежурное мероприятие МИД

²⁸ За польско-советское сближение // Известия. № 205. 09.09.1925; На верном пути // Известия. № 206. 10.09.1925.

²⁹ Германия перед новой конференцией о гарантийном договоре. Беседа с германским дипломатом // Известия. № 216. 22.09.1925.

так взволновало «Известия», что спустя два дня в газете появилась редакционная статья на эту тему. Газета не разделила оптимизм дипломата, что линии Рапалло ничто не грозит, что гарантийный договор не касается СССР, что Германию не будет обязывать статья 16, что обе стороны сохранят жизненно важные для них экономические связи. Тон статьи был чрезвычайно резким. Завершалась она словами: «Рапалльская линия и ее продолжение могут быть доказаны не словами и фразами, а лишь фактами. Торговый договор, над которым обе делегации работают почти год, и должен явиться таким фактом.

На чаше весов советско-германских отношений этот факт будет весить значительно больше, нежели все декларативные заявления, имеющие целью успокоить СССР в неизменности внешнеполитической линии Германии»³⁰.

Это был явный сигнал Берлину, что Москва настаивает на незамедлительном подписании торгового договора как гарантии того, что Германия не займет однозначно проантантовскую позицию.

В конце сентября на первый план вышла тема советско-польских отношений, что было связано с кратковременным визитом в Варшаву Г.В. Чичерина по пути в Центральную Европу³¹. Протокол приема был соблюден с полным учетом ранга наркома³². Но информационное сопровождение визита советскими официозами, начиная с его подготовки, было весьма невыразительным. В основном звучали заверения в безусловной готовности СССР к сотрудничеству с Польшей в сфере экономики³³, но не более того³⁴. О политических целях визита прямо

³⁰ Германия и СССР // Известия. № 218. 24.09.1935.

³¹ Визит Г.В. Чичерина в Варшаву не раз анализировался историками. Из последних работ наиболее полно учитывают труды предшественников монографии О.В. Бабенко («Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.) и Н.Н. Мезги («Польско-советские отношения 1921–1926 годов... С.190–197).

³² Заместитель советского полпреда в Варшаве Г.З. Беседовский охарактеризовал встречу так: «Встреча тов. Чичерина и отношение к нему официальных польских кругов за несколько дней пребывания его в Варшаве ничем не отличались от обстановки встречи министров иностранных дел дружественных и союзных государств». (Сдвиг в польско-советских отношениях // Правда. № 227. 04.10.1925).

³³ «Поменьше политической фантастики, побольше экономического реализма, — вот что сегодня диктуется Польше ее собственным общественным мнением и вот что мы, заинтересованные в мирном строительстве.., готовы всячески приветствовать». (Реальная политика сближения // Известия. № 223. 30.09.1925).

³⁴ Радек К. Международное обозрение // Известия. № 221. 27. 09. 1925; Реальная политика сближения // Известия. № 223. 30.09.1925; Польша ищет сближения с СССР // Там же; Тов. Чичерин в Польше Известия. № 224. 01.10.1925; Варшава и Москва // № 224. 01.10.1925; Тов. Чичерин о международном положении // Известия. № 227. 04.10. 1925; Отклики в Польше на поездку тов. Чичерина // Правда. № 228. 06.10.1925; Сдвиг в польско-советских отношениях // Правда. № 227. 04.10.1925.

ничего не писали, хотя польская сторона их не скрывала³⁵. Официозы открещивались и от интерпретации визита как средства советского давления на Германию, но не отрицали его антианглийских целей: «Прием, подготовленный т. Чичерину в Варшаве, не является какой-либо демонстрацией против Германии, а служит только тому же делу мира, для которого германское правительство приносит даже такую тяжелую жертву, как вторичный отказ от Эльзас-Лотарингии... Советско-польское сближение является проявлением политики мира, вносит мирную поправку к политике Англии, стремящейся к изоляции СССР...»³⁶.

А вот из политических целей посещения Берлина на рубеже сентября–октября сам нарком не делал секрета. На встречах с журналистами он говорил об антисоветской политике Англии и ее попытках оторвать Германию от СССР³⁷, не скрывал и несогласия СССР со вступлением Германии в Лигу наций. Чичерин в одном из интервью предупредил Германию, что она «попала бы в чрезвычайно опасную ловушку, если бы согласилась на вступление в Лигу наций на основании уверения, что ст. 16 будет пересмотрена в будущем»³⁸.

Тема вступления Германии в Лигу наций вновь приобрела остроту в октябре в связи с началом конференции пяти держав в Локарно. Именно тогда «Известия» использовали необычный для советской прессы того времени аргумент против участия Германии в конференции: Европа нуждается в восстановлении равновесия сил, «уничтоженного безусловной победой Антанты». Элементом этого равновесия могла бы стать сильная самостоятельная Германия, но, добровольно примкнув к фронту победителей в надежде добиться известного усиления, она становится «не элементом создания нового равновесия, а элементом, позволяющим только на время оттянуть момент краха версальского соотношения сил»³⁹. То есть, вступление в Лигу наций — это проигрыш Европы в целом, а не только ошибочный шаг Германии.

³⁵ Так, польский посол в Швеции А. Высоцкий прокомментировал визит следующим образом: «...установление дружественных отношений между СССР и Польшей, задача которых отразить враждебную политику Англии...». (Отклики в Польше на поездку тов. Чичерина // Правда. № 228. 06.10.1925).

³⁶ Варшава и Москва // № 224. 01.10.1925. См. также: Варшава – Москва – Берлин // Правда. № 227. 04.10.1925.

³⁷ Тов. Чичерин о международном положении. Беседа тов. Чичерина с германским журналистом // Известия. № 227. 04.10.1925; Беседы Чичерина с иностранными журналистами // Известия. № 228. 06.10.1925.

³⁸ Заявление т. Чичерина корреспонденту «Дейли Геральд» // Известия. № 227. 04.10.1925.

³⁹ Конференция в Локарно // Известия. № 228. 06.10.1925.

В условиях системного раскола континента, при ставке СССР на игру на противоречиях в противостоящем лагере, такой универсальный взгляд не мог удержаться в арсенале советской внешнеполитической аналитики. Это хорошо видно по последующим публикациям в официозах. Так, двумя днями позже «Правда» в статье о конференции в Локарно уже просто рассуждала о потере Германией внешнеполитической свободы при вступлении в Лигу наций (такой аргумент встречался и летом), а не об утрате континентом шанса обрести равновесие сил⁴⁰. Немного другими словами сожаление по поводу утраты Германией внешнеполитической самостоятельности в случае вступления в Лигу выразил К. Радек. При этом он задался неожиданным, ранее не встречавшимся в советской прессе вопросом: Германия, соглашаясь войти в Лигу наций, намерена всерьез отказаться от защиты своих прав с оружием в руках или же она делает это только для выигрыша времени?

Но главным в статье Радека была угроза Германии в случае принятия ею 16 и 17 статей Устава: «Тогда станет ясным, что Германия перешла на сторону руководящих капиталистических держав, что она примкнула к фронту держав-победительниц... Подобное решение германского правительства не означало бы, понятно, разрыва с СССР. Ведь враждебная СССР Англия тоже не разрывает с СССР. Но это означало бы, что СССР в своих расчетах должен считать Германию своим врагом и принимать все необходимые соответственные контрмеры». Если же Германия не примет 16 и 17 параграфы, проблемы в советско-германских отношениях всё равно сохранятся, но останется «возможность исправления сделанной ошибки, попыток постепенного исправления германо-советских отношений. Атмосфера полного недоверия и полной вражды этим еще не создается»⁴¹.

Преодолеть напряженность в советско-германских отношениях не смогло и подписание 12 октября 1925 г. в Москве двустороннего торгового договора. Хотя, по свидетельству «Известий», «германское правительство придало акту заключения новых экономических договоров намеренно демонстративный характер», это не скрыло от советской стороны того, что «если Рапалло был демонстрацией против Антанты, то Московский договор является демонстрацией для Москвы»⁴².

«Известия» напомнили Берлину, что тесное экономическое сотрудничество с Советским Союзом важно для самой Германии. Запад с момента Версаля неохотно допускает германские товары на свои рынки, и гарантийный договор ситуации не изменит. Хуже

⁴⁰ Локарно // Правда. № 230. 08.10.1925.

⁴¹ Радек К. Параграфы 16-й и 17-й // Правда. № 234. 13.10.1925.

⁴² В духе Рапалло // Известия. № 235. 14.10.1925.

того, «неприкрытая враждебная СССР тенденция гарантийного пакта в той части, которая втягивает Германию в орбиту английской политики, неизбежно потрясет основы народно-хозяйственной деятельности Германии на Востоке». И далее вновь следовало достаточно жесткое предостережение Германии: «...договор между СССР и Германией не может быть рассматриваем, как противовес гарантийному пакту, с одной стороны, и вступлению Германии в Лигу наций, — с другой...

Английская политика втягивания Германии в орбиту своих целей вряд ли будет способствовать усилению той политической базы, при отсутствии которой подписанный вчера договор не может развить всех заложенных в нем народно-хозяйственных возможностей»⁴³. Подобные предостережения были высказаны «Известиями» и на следующий день⁴⁴.

Сразу же после завершения конференции в Локарно и еще до публикации ее решений советские официозы выступили со своими комментариями. Позиция «Известий» была однозначной: Англия провела в жизнь свою точку зрения по всем вопросам, в том числе привязала Германию к себе и создала напряженные отношения между ней и СССР⁴⁵. Спустя три дня «Известия» дополнили свою оценку констатацией: «Локарно показало, что возникает новая группировка международных сил»⁴⁶.

Негативно оценила соглашения в целом и их последствия для советско-германских отношений и «Правда»: «Локарно означает добровольную капитуляцию Германии перед Англией... Локарно означает не формальное уничтожение Рапалло, но путь, на котором вряд ли возможно будет продолжить политику Рапалло...

С точки зрения мировой политики Локарно означает в первую очередь подчинение Германии Англии не только по отношению к СССР, но и по отношению к Ближнему и Дальнему Востоку и по отношению к Франции. Англия будет регулятором франко-германских отношений, ... она будет зорко следить, чтобы не допустить франко-германского сближения, которое могло бы стать началом континентального блока против Англии. В этом смысле Локарно

⁴³ Договор между СССР и Германией // Известия. № 234. 13.10.1925.

⁴⁴ В духе Рапалло // Известия. № 235. 14.10.1925.

⁴⁵ Английская победа // Известия. № 239. 18.10.1925.

⁴⁶ Локарнские договоры // Известия. № 241. 21.10.1925. Как известно, в СССР придавали исключительно важное значение четкости и определенности формулировок. Скорее всего, на тот момент единой точки зрения относительно стадии процесса изменения расстановки сил на международной арене не было. Так, 22 октября К. Радек написал, что «гарантийный пакт — это сдвиг в сторону нового соотношения сил, в котором руководящую роль играют США и Англия». (Радек К. Гарантийный пакт. От Версаля до Локарно // Известия. № 242. 22.10.1925).

означает начало полной ликвидации французской гегемонии в буржуазной Европе. С какой стороны не подойти к оценке Локарно, оно является крупной победой Англии, прикрытой знаменем пацифизма, но богатой семенами будущих конфликтов»⁴⁷.

Завершилось это третье по счету обращение советских официозов к различным аспектам локарнского процесса передовицей в «Правде» 24 октября. Не вдаваясь в детали и аргументы, газета констатировала: «...острие Локарнского договора направлено против СССР... Отцом гарантийного договора является Англия, выступающая самым враждебным образом против СССР. Главная забота Англии состоит в том, чтобы не допустить германо-советского сближения. Достаточно знать это, чтобы понять, что, выступая в роли защитника германских границ, Англия не может не проводить враждебной СССР политики, не может не пытаться подчинить своему влиянию Германию, не может не потребовать противосоветского поворота в германской политике взамен своего покровительства... Германия была слабой в качестве друга, но она не сделалась бы сильной только от того, что, следуя английскому примеру, стала бы скалить зубы на СССР. За враждебную политику против СССР она расплачивалась бы иначе, чем Англия, и не только на территории СССР, но и на всем Востоке, без рынков которого не может быть и речи о восстановлении германской промышленности»⁴⁸. Важно, что в этой оценке нет прямых упреков в адрес Германии, хотя еще совсем недавно советские официозы ее не очень щадили. А это могло означать только одно: СССР принял произошедшее в Локарно переформатирование европейской политической сцены как реальность и приступил к развитию отношений с Германией в новых условиях.

В ноябре — начале декабря 1925 г. «Известия» и «Правда» еще несколько раз посвящали Локарно свои передовицы, в том числе и в связи с окончательным подписанием пакета локарнских соглашений в Лондоне 1 декабря⁴⁹. Но каких-то новых аргументов против Локарно больше не появилось, да и градус эмоций по сравнению с концом июня и началом октября существенно понизился.

Официальная советская оценка Локарно была публично сформулирована в политическом отчете ЦК РКП(б) XIV съезду партии

⁴⁷ От Рапалло до Локарно // Правда. № 239. 18.10.1925.

⁴⁸ Попытки ненужного утешения // Правда. № 244. 24.10.1925.

⁴⁹ Локарно и дело мира // Известия № 256. 11.11.1925; Локарно и СССР // Известия. № 262. 17.11.1925; Интервью, данное замнаркоминдел тов. Литвиновым представителям иностранной прессы 23 ноября // Известия. № 268. 24.11.1925; Гарантийный договор подписан // Правда. № 275. 02.12.1925; После Локарно // Известия. № 276. 03.12.1925.

18 декабря. Докладчик И.В. Сталин не отошел от оценок официозов, подтвердив тем самым косвенно, что газетные комментарии локарнского процесса не были личными мнениями их авторов. Он подчеркнул, что Локарно «является лишь продолжением Версаля, и оно может иметь своей целью лишь сохранение “статус-кво”... в силу которого Германия есть побежденная страна, а Антанта — победительница. Конференцией в Локарно этот порядок закрепляется юридически».

Сталин выразил твердую уверенность, что «растущая и идущая вперед» Германия никогда не смирится со своим угнетенным положением, что Версальский договор и Локарно «разделят судьбу старого франко-прусского договора, отторгнувшего... Эльзас-Лотарингию от Франции». Он несколько раз связывал Локарно с вероятностью войны в Европе: «если план Дауэса чреват революцией в Германии, то Локарно чревато новой войной в Европе», «мы думаем, что Локарно есть план расстановки сил для новой войны, а не для мира».

Единственным неожиданным моментом в интерпретации Сталиным Локарно было то, что перечень возникших после войны европейских «узлов противоречий» он ограничил исключительно Польшей, назвав «потерю Германией Силезии, Данцигского коридора и Данцига, потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильны и пр.». Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, СССР не намеревался продолжать заигрывать с Польшей, по крайней мере, в ближайшей перспективе, поэтому Польша была представлена как страна, поживившаяся в ходе «кромсания» Европы. Во-вторых, в числе жертв этого «кромсания» кроме советских Украины и Белоруссии были названы также Литва, но, прежде всего, Германия. Не случайно же Сталин скептически высказался по поводу планов английских консерваторов относительно использования Германии в будущем: «Английские консерваторы думают и “статус-кво” сохранить против Германии и использовать Германию против Советского Союза. Не слишком ли многого они захотели?». Более глубокой проработки эти сюжеты в докладе ЦК РКП(б) не получили.

Таким образом, советские официозы «Известия» и «Правда» достаточно адекватно отразили эволюцию советской внешней политики в отношении локарнского процесса. Начав с жесткой критики идеи гарантийного договора и вступления Германии в Лигу наций из-за опасения потерять союзницу, они в конце года отказались от резкой критики в ее адрес, поскольку Москва взяла курс на скорейшее заключение нового политического договора с Берлином. Что касается Локарнских соглашений, то отношение к ним как к инструменту английского доминирования в Европе осталось негативным.

Список литературы

Артюков О.В. Советско-германские отношения в 1925–1933 гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2001. 37 с.

Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. По новым документам // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 3–24.

Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М.: ИНИОН РАН, МГУ, 2007. 224 с.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг. Известные документы. М.: Советская Россия, 1992. 183 с.

Кантор Ю.З. Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921–1939 гг. Автореферат дисс. ... доктора ист. наук. СПб.: ИРИ РАН, 2006. 21 с.

Макаренко П.В. Московский торговый договор 1925 г. и германская политика лавирования между Востоком и Западом // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 141–145.

Мезга Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель: ГДУ имени Ф. Скорины, 2010. 196 с.

Мезга Н.Н. Польско-советские отношения 1921–1926 годов. Новый этап противостояния. Гомель: ГДУ имени Ф. Скорины, 2019. 229 с.

Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–88.

Офицеров Д.В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. 2003. История. Вып. 4. С. 33–39.

Поступила в редакцию
18 декабря 2019 г.